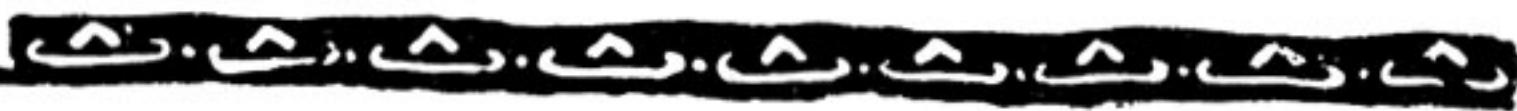
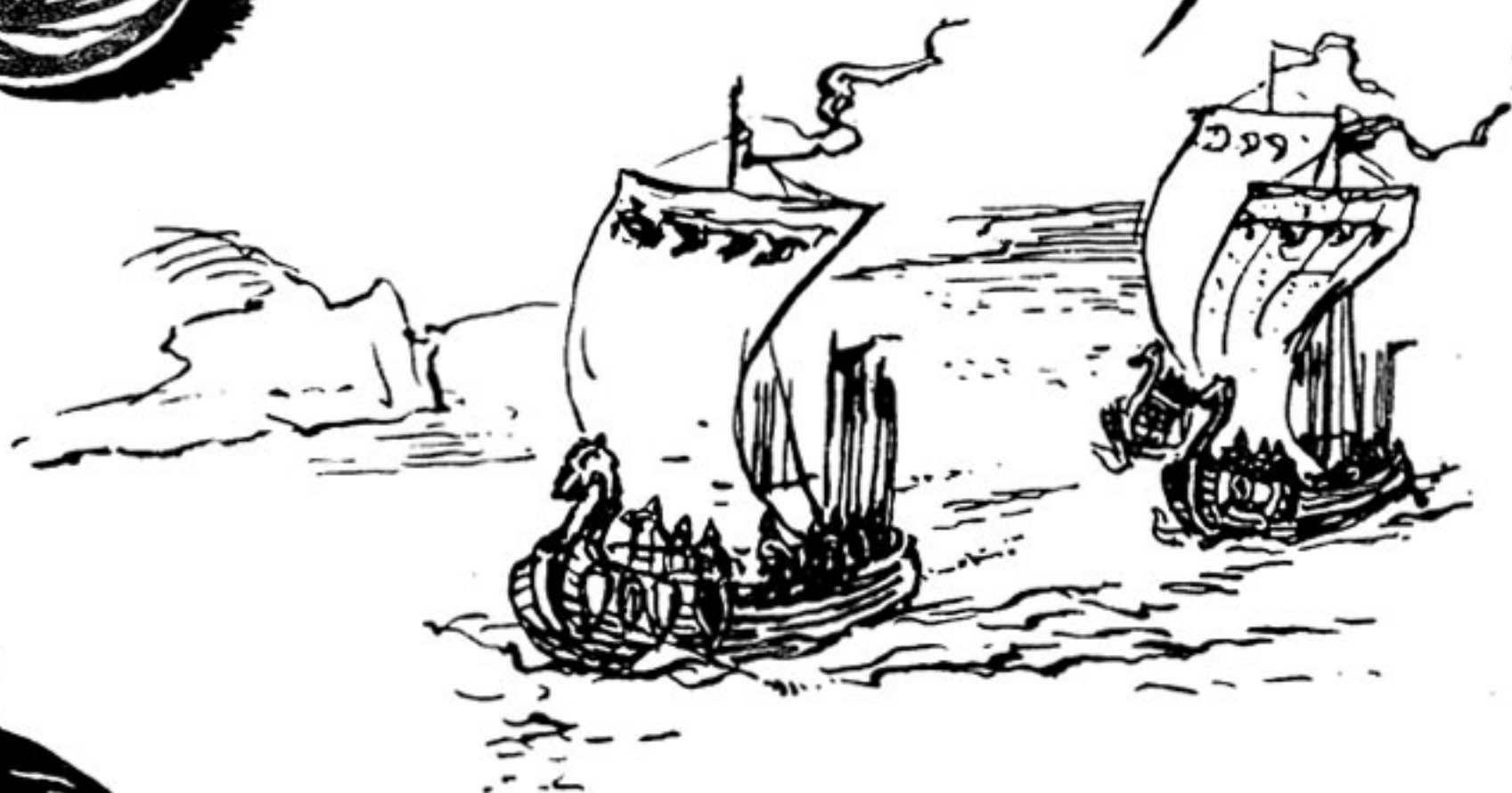

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“**

Москва 1964

ЛССКАЗЫ

НАЧАЛЬНОЙ

РУССКОЙ

ЛЕТОПИСИ

I

Интерес к прошлому, к истории всегда был присущ людям: он неразрывно связан с интересом к настоящему. Люди, естественно, хотят, чтобы те, кто будет жить после них, знали, как жили они, хотят оставить после себя память, хотят, чтобы их жизнь не была забыта. Вместе с тем их интересует и то, как жили люди раньше. Так всегда было. Так и создавалась история.

Еще в языческие времена славяне насыпали высокие земляные холмы — курганы — над могилами умерших. Эти холмы напоминали грядущим поколениям о подвигах предков. Проходили годы. Старики, указывая на могильные холмы, рассказывали внукам, что слышали в юности от дедов о погребенных под курганами героях. С XI века вошло в обычай на месте жестоких битв или в память о важных событиях ставить храмы — памятники. Так, собор Софии в Киеве был построен на поле, где русские за десять лет до того победили печенегов. Памятники эти были созданы из любви и уважения к современным героям и событиям; в течение же многих последующих веков они говорили о прошлом, были неписаной историей народа. Многие из этих

памятников стоят до сих пор. Мы не только любим их красотой и удивляемся их древности, но и знакомимся по ним с историей нашей родины.

Память о прошлом сохраняет и язык — в песнях, былинах, пословицах. Друзья и соратники героев рассказывали об их деяниях, слагали о них песни. Участники далеких походов воспевали то, что видели. События, поразившие современников, вошли в пословицы. Так, например, в VIII веке был сильный и могущественный народ — авары (обры), а потом он исчез. Вот и стали говорить: «Погибли, как обры». Если бы не эта поговорка, ныне не употребляемая, но бытовавшая еще в XI—XII веках, то об обрах, возможно, забыли бы. Но поговорка надолго закрепила память о них.

Свои предания имели многие семьи. Детям рассказывали о делах их отцов, дедов и прадедов. Возникали легенды, связанные с целым родом, иногда племенем. В каждом городе, в отдельных местностях были предания. Люди особенно интересовались тем, как, когда, кем был основан город, что происходило в данном месте, интересовало самое «начало», хотелось знать, откуда все повелось. Название, ставшее непонятным, стремились обычно объяснить, увязав его с именем легендарного основателя города или рода или с событием, происходившим в данном месте. Рассказывали, например, что Киев был основан Кием, Чернигов — князем Черным, Переяславль называется так потому, что у брода, где стоит город, отрок победил печенежского богатыря, «перееял славу» у него, и т. д. Постепенно создавалась устная история края, города, селения. Песни и рассказы, как и памятники архитектуры, как курганы и надгробия, вызывали интерес к прошлому. Люди старались рассказывать о том, что видели и слышали, как можно точнее, но, конечно, невольно что-то изменяли, добавляли, забывали. Правда и вымысел смешивались.

С развитием письменности отдельные предания стали записывать. Любопытные люди собирали рассказы, соединяли их в одно целое. Создавалась история народа, страны. Появилось желание узнать точнее, когда произошло то или другое событие. Стали сопоставлять одно с другим, представлять годы. Год назывался в Древней Руси «летом». Рассказ о событиях, случившихся в том или ином году, начинался словами: «В лето...» Отсюда название «летопись».

В XI—XII веках, в период расцвета Киевской Руси, была создана «Начальная русская летопись». Она рассказывает о происхождении русского государства, о начальном периоде его истории и о первых его деятелях. Об основной своей теме летописец заявил во вступлении: «Се повести временных лет, откуда есть пошла руская земля, кто в Киеве нача первее княжить, и откуда руская земля стала есть». По первым словам этого вступления «Начальная русская летопись» называется «Повестью временных лет»; «временных» означает «минувших».

«Повесть временных лет» — древнейшее сочинение по русской истории. Это целая энциклопедия жизни нашего государства IX—XI столетий. Из нее мы узнаем и о событиях, которые имели место в те далекие времена, и о языке, и о происхождении письменности, о географических знаниях и искусстве, о международных связях и т. д. Если бы от Киевской Руси до нас не дошло ничего, кроме «Повести временных лет», то и одного этого произведения было бы достаточно, чтобы представить себе высоту русской культуры того времени.

По счастью, в истории русской культуры «Повесть» не одинока. До наших дней сохранились современные ей величественные памятники архитектуры — храмы Софии в Киеве и в Новгороде, храм Спаса в Чернигове, церковь Спаса на Берестове в Киево-Печерском монастыре, руины Золотых ворот в Киеве и ряд других зданий. До нас дошли великолепные произведения изобразительного искусства — мозаики и фрески в киевской Софии, тонкие миниатюры Остромирова Евангелия и «Изборника Святослава». Сохранились изящные образцы ювелирного дела.

«Повесть временных лет» стоит в одном ряду с этими великими произведениями искусства. Она сдержанна и немногословна. Она рассказывает всегда только о самом главном, важном, значительном, оставляя без внимания все мелочи. Язык летописцев, богатый и точный, необычайно краток. Мы теперь отвыкли от такой краткости, она подчас представляется нам суховатой. Только постепенно поддаемся мы обаянию образов «Повести временных лет», начинаем чувствовать ее поэтичность. Вчитываясь в летопись, мы видим, с какой наглядностью переданы в ней отдельные эпи-

зоды русской истории, и начинаем ценить ее скупые средства выражения. Прямая речь, широко используемая летописцами, переносит нас в обстановку того времени. Кажется, слышишь, как звучат голоса людей той эпохи. Кажется, вот так в самом деле и говорили они. Живые диалоги придают жизненную правдивость рассказу. В стиле летописи ощущается непосредственная связь с устным народным творчеством, для которого также характерны и обобщенность, и образность, и передача слов действующих лиц в прямой речи.

Мысли, высказанные летописцем, понятны нам, близки и дороги. Авторы нашей первой летописи гордились величием Руси и скорбели о ее страданиях, призывали к единой обороне Русской земли, прославляли отважных защитников родины, клеймили позором предателей. Древние летописцы хотели видеть свою родину славной и могучей. В истории они видели примеры и уроки для настоящего.

Летописцы были по тому времени разносторонне образованными людьми, знакомыми с обширным кругом произведений — русских, византийских, болгарских, чешских. Они извлекали исторические сведения из былин, песен и устных преданий. Бесспорно, ни одна славянская страна и ни одна страна северо-западной и центральной Европы не обладала в XI — начале XII века таким превосходным сочинением по истории своей родины, каким была «Повесть временных лет». Только Византия и Италия имели исторические сочинения, превосходившие своей ученостью нашу «Начальную летопись».

III

«Повесть временных лет» была опубликована только в XVIII веке. До этого она была известна в многочисленных, но сравнительно поздних списках. Открытие более древних рукописей относится к эпохе Петра.

Когда в 1716 году Петр I проезжал через Кенигсберг (современный Калининград), он заинтересовался находившейся в библиотеке этого города древней, богато иллюстрированной рукописью. Рукопись эта была написана в XV веке и начиналась «Повестью временных лет». До того как оказаться в Кенигсберге, она долго странствовала. Написана она была в Смоленске. Из Смоленска ее вывез польский магнат (то есть богатый помещик) пан Радзивил. Из библиоте-

ки Радзивиллов она попала в Кенигсберг. Поэтому Кенигсбергскую летопись часто называют Радзивилловской. Петр I поощрял изучение родной истории. Он приказал снять копию с Кенигсбергской летописи «с картинками» и передать ее в библиотеку Академии наук. Петр, очевидно, думал ее издать, но издание при его жизни осуществлено не было.

В 1758 году, во время Семилетней войны, когда русские войска вошли в Пруссию и заняли Берлин, русская Академия наук затребовала Кенигсбергскую летопись к себе. Менее чем через десять лет, в 1767 году, она была издана. Так была впервые обнародована «Повесть временных лет». Но издание было плохое. В те времена еще не умели правильно читать древние тексты, которые были написаны без разделения слов и без знаков препинания. В книгу вкралось много ошибок. Тем не менее это и ряд других изданий XVIII века имели огромное значение. Они познакомили широкие круги русских читателей с древними летописями.

Но наиболее древний список «Повести временных лет» не только не был тогда опубликован, но был почти неизвестен. Его нашел граф А. И. Мусин-Пушкин, живший в конце XVIII и в начале XIX века. Мусин-Пушкин был одним из тех передовых русских людей, которые горячо интересовались отечественной историей и с увлечением искали и собирали памятники родной старины. Ему принадлежит открытие и опубликование многих древних рукописей, среди них и знаменитого «Слова о полку Игореве».

Древнейший список «Повести временных лет» Мусин-Пушкин нашел почти случайно. Дело было так. Как-то раз ему сообщили, что возле одной из петербургских книжных лавок стоят возы с библиотекой историка петровского времени Крэкшина. Оказывается, внук и наследник Крэкшина, не имевший особой любви к русской словесности, свалил богатейшее дедовское собрание книг и рукописей на несколько телег и повез его для продажи. Узнав об этом, Мусин-Пушкин немедленно отправился в лавку и сразу купил всю грудку книг и бумаг. Он не успокоился до тех пор, пока его новые сокровища не были привезены в его дом. В своем кабинете он стал их разбирать и среди прочих редких рукописей нашел довольно обширного размера книгу, писанную на пергамене, то есть на особым образом обработанной

коже, служившей в древности для письма. Эта книга была Лаврентьевская летопись. Как и Кенигсбергская летопись, она начиналась «Повестью временных лет», но написана она была на один век раньше, в 1377 году, монахом Лаврентием (откуда и ее название). Лаврентьевская летопись доводит изложение событий русской истории до 1305 года и включает единственный известный нам текст «Поучения Владимира Мономаха».

Слух о бесценном приобретении Мусина-Пушкина скоро распространился. Представители иностранных держав пытались уговорить ученого графа продать древнюю рукопись. Особенно настойчив оказался английский посол Дуглаз. Через своего банкира он предлагал Мусину-Пушкину за Лаврентьевскую рукопись и одно греческое Евангелие 1000 червонцев. Получив отказ, он заявил, что даст любую цену, какую только назовет сам владелец. Однако владелец не продал русскую летопись английскому послу. «Неоднократные покушения» иностранцев на приобретение «драгоценного источника наших бытописателей», как заявил сам Мусин-Пушкин, заставили его отдать рукопись государству в лице Александра I. Александр, приняв дар, передал его в Публичную библиотеку, где летопись хранится и поныне.

Издание Лаврентьевской летописи затянулось и было осуществлено только в 1846 году. Тремя годами ранее была опубликована Ипатьевская летопись (XV век), найденная известным русским историком Н. М. Карамзиным. До того она хранилась в Ипатьевском монастыре под Костромой. Она также содержала «Повесть временных лет».

IV

Первые исследователи «Повести временных лет» считали, что весь ее текст принадлежит одному автору, а именно — монаху Киево-Печерского монастыря Нестору, жившему на рубеже XI и XII веков. Его имя стоит в заглавии некоторых списков «Начальной летописи». Составитель «Киево-Печерского патерика» — произведения XIII века — также называет Нестора автором «Повести временных лет». Но тщательное изучение и сличение различных списков «Повести» показало, что один человек не мог быть автором всего произведения.

Ученые прежде всего обратили внимание на то, что многие события, происходившие еще в середине XI века, записаны в «Начальной летописи» с точным указанием числа и месяца. Например, битва при реке Немиге произошла 3 марта 1067 года (см. стр. 97), киевляне восстали против князя Изяслава Ярославича 15 сентября 1068 года (см. стр. 98) и т. д. Откуда мог это знать автор XII века? Ясно, что уже в середине XI века делались записи о происходивших тогда событиях. Эти записи и использовал Нестор.

Кроме того, в «Повести временных лет» обнаруживаются явные вставки, нарушающие последовательность повествования. Обратите внимание, в рассказе о четвертой мести Ольги древлянам описывается сражение, в котором древляне были поражены, «и победили древлян» — пишет летописец (см. стр. 49). Казалось бы, с ними все кончено, и после этих слов следует ожидать только сведений о той дани, которую Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, древляне вовсе не побеждены: они затворяются в своих городах; после чего летописец рассказывает о новой, четвертой хитрости Ольги — о взятии ею города Искоростеня. Только после этого читаются слова: «и возложила на них тяжкую дань». Очевидно, рассказ о взятии Искоростеня вставлен в более древний текст. В «Повести временных лет» были обнаружены и другие вставки. Это подтвердило мысль, что составитель «Начальной летописи» использовал труд своего предшественника или, вернее, предшественников, расширив его этими вставками.

Таким образом, «Повесть временных лет» не является произведением одного автора — Нестора, а складывалась несколькими поколениями летописцев. У летописца были своеобразные приемы работы. Он записывал по годам все, что знал о прошлом, что слышал или о чем читал, а затем так же по годам рассказывал о том, чему сам был свидетелем или о чем узнавал от современников. Следующий летописец тщательно переписывал труд своего предшественника, но если получал какие-то новые сведения, то вставлял их под соответствующим годом, а дальше продолжал переписку и добавлял о тех событиях, современником которых был уже он сам. Так создавались летописные «своды». Летописец был и переписчиком и автором. Он всегда «сводил» вместе различные известия, добавляя, если мог, новое

в рассказ предшественника, а затем делал записи о своем времени. Так настоящее и в летописи и в сознании летописцев было естественным продолжением прошлого. Самый интерес к прошлому был основан на интересе к настоящему, на живом, деятельном отношении к современности. В прошлом искали, как уже указывалось, примеры, уроки для настоящего, в нем видели свидетельства величия Руси, ее славы и могущества.

«Повесть временных лет» и является таким сводом, построенным на основании сводов более раннего времени. И вот перед исследователями встала интереснейшая и очень трудная задача: восстановить те летописные своды, которые предшествовали «Повести временных лет» и которые были использованы Нестором. Таким способом можно было установить историю русского летописания, то есть развитие исторической мысли на Руси. Работа была трудной. Она требовала большого упорства, усидчивости, терпения. Представьте себе, что вам было бы дано задание разобрать на все мельчайшие составные части огромный муравейник, для того чтобы совершенно точно установить последовательность, в которой он построен, и вычертить план его построения. Вам надо было бы снимать веточку за веточкой, иглу за иглой, не тревожа соседних, устанавливая, что было положено ранее и что позднее. А разве в самом деле работа русских летописцев не напоминает работу муравьев, по веточке собирающих материал для своего здания? Упорный труд всегда бывает вознагражден. Теперь исследователи достаточно ясно представляют себе историю русского летописания. Наверное, вам будет интересно вкратце познакомиться с ней.

V

Еще во времена Ярослава Мудрого (в 30—50-е годы XI века) был составлен условно называемый «Древнейший летописный свод», в котором были собраны вместе разрозненные записи предшествующей поры, некоторые письменные повести, созданные к тому времени, а также народные и дружинные сказания. События же ближайших лет описывались на основании рассказов очевидцев и участников, а также по собственным наблюдениям.

Древнейший свод очень отличался от того, как мы себе

представляем русские летописи. Свод времен Ярослава не имел изложения по годам и поэтому только условно может быть назван летописью. События рассказаны в нем очень кратко. Но при всей своей сжатости Древнейший свод уже был цельным и художественным повествованием о росте Русского государства. Он начинался с легенды о Кие — основателе Киева — и заканчивался похвалой деятельности Ярослава Мудрого и книгам (см. стр. 92). Соединив в себе народные легенды и книжные рассказы, Древнейший свод подвел итог первому героическому периоду развития страны и отразил гордость современников силой и славой Руси.

Древнейший свод был составлен при храме св. Софии, построенном в Киеве при Ярославе. Этот храм был центром русской культуры и образования. Ярослав устроил при нем библиотеку и школу. София стала митрополией. В ней служил киевский митрополит — глава всей русской церкви. Однако в те времена митрополиты назначались из Византии и проводили политику, часто противоречившую национальным интересам Русского государства. Вот тогда-то выдвинулся Печерский монастырь под Киевом, смело противопоставивший себя митрополиту-иноземцу. Вскоре центр русской национальной культуры, образованности и общественной мысли перешел в Печерский монастырь. В нем стало вестись и летописание, начатое при Софийском соборе.

Первый Печерский летописный свод вел Никон — человек выдающийся во всех отношениях. Не случайно современники, оценившие его ум и твердую волю, прозвали его Великим. Его жизнь показывает, каковы были люди — творцы древней летописи. Еще в 1061 году, когда Печерский монастырь вступил в спор с Киевским митрополитом-греком, непокорный Никон вынужден был уехать в далекое изгнание в Тмуторокань — город на берегу Керченского пролива. Там он вскоре принял участие в общественной жизни города. В качестве почетного посла от горожан он ездил в Чернигов просить у черниговского князя его сына Глеба на тмутороканский стол. С честью выполнил Никон это поручение, а в 1068 году вернулся в Печерский монастырь. Но на родине ему пришлось пробыть недолго. В 1073 году Святослав Черниговский, второй сын Ярослава Мудрого, прогнал своего старшего брата Изяслава с киевского стола

(см. стр. 102). Непреклонный Никон отказался признать власть нового князя — нарушителя отцовского завещания — и предпочел снова уехать в изгнание в Тмуторокань.

Ярким, своеобразным, полным противоречий был характер Никона. Этот неутомимый политический деятель, вмешивавшийся в события Киева и Тмуторокани, проводил часы досуга в уединении за пряжей нитей для сшивания книг. «Неустанно сидяща и делающа книги» — вспоминали о нем. В отсутствие игумена (так назывался настоятель, глава монастыря) ему, как самому образованному иноку (монаху), поручалось «поучать братию от книг», то есть читать книги другим монахам, делая нравоучительные разъяснения. Когда же он сам под конец жизни стал игуменом, монахи узнали его крутой нрав: для поучения слушников он не пренебрегал и палкой. Живой и широкий ум сочетался в нем с наивностью человека средневековья. Суеверия уживались с глубокой принципиальностью и жадным интересом к судьбам Руси. Живя в Печерском монастыре и в Тмуторокани, странствуя от Азовского моря до Чернигова, Никон собирал материал по истории Руси.

Летописная работа Никона была такой же яркой, проникнутой высокими гражданскими идеями, как и его общественная жизнь. Никон ввел в Древнейший свод ряд новых сведений, которые он получил из собранных им устных преданий и рассказов. Находясь в Тмуторокани, он услышал там местные легенды о дани, которую славяне когда-то заплатили хазарам (см. стр. 32), о единоборстве Мстислава с Редэдею (см. стр. 89), о взятии Владимиром Корсуни (см. стр. 70). Новгородец Вышата, крупный политический деятель, бывший тогда также в Тмуторокани, сообщил Никону ряд сведений о новгородских событиях. Пополненный столь разнообразными известиями, свод Никона сделал печерское летописание летописанием общерусским.

Свод Никона уже составлен в форме настоящей летописи, то есть события записаны в нем под соответствующими годами. Никон не только нашел форму, которой будут придерживаться русские историки вплоть до XVII века, но он определил и основные идеи дальнейшего летописания. Идеи эти явились откликом на сложные исторические события того времени. Начало печерского летописания совпало с началом феодального дробления Руси и с растущей опасно-

стью со стороны кочевников. Как ответ на это, Никон выдвинул в своем своде идею единства Руси. Чувство родины, чувство национальной общности — вот что отличает труд Никона и что будет продолжено последующим летописанием. Залогом единства Русской земли, по мысли людей того времени, было единодушное управление князей-братьев, сыновей Ярослава. Не случайно поэтому Никон включил в свой свод завещание Ярослава детям, в котором умирающий отец призывает сыновей жить в мире и любви (см. стр. 95). Обвинением Святослава Ярославича в нарушении «отней (отцовской) заповеди» кончается свод (см. стр. 103). Тема братской любви имеет у Никона политическое значение и придает глубоко человеческий и моральный смысл его летописанию.

Единый по своей основной мысли, свод Никона написан с несомненным литературным талантом. Никон является создателем образа бесстрашного и справедливого Мстислава (см. стр. 89, 90, 92). Ему же ряд исследователей приписывает знаменитую характеристику Святослава (см. стр. 53). Многие записи Никона, например запись 1068 года о восстании в Киеве и 1073 года о борьбе Ярославичей, составлены под непосредственным впечатлением событий этих лет. Читая их, мы чувствуем живое волнение современника, его отношение к происходящему. Политические страсти руководили Никоном, когда он в своей тесной пещерке размышлял над судьбами Руси. Не отгородившимся от жизни отшельником, не бесстрастным рассказчиком был печерский летописец, а деятельным и смелым гражданином. Именно поэтому нас до сих пор так волнует его труд.

После смерти Никона летописание перешло к игумену Печерского монастыря Ивану. Его жизнь известна нам меньше. Одно несомненно — он оказался достойным продолжателем своего предшественника. На киевском столе сидел тогда Святополк, сын Изяслава. Теперь уже княжили внуки Ярослава. Времена изменились. От полюдья и сборов дани князья перешли к налогам и пошлинам, которые еще более тяжелым бременем легли на население. Княжеские раздоры усилились, междоусобные войны велись все чаще и ожесточеннее, а степные хищники — половцы все глубже проникали в русские земли, грабили и разоряли население. Все тяжелее становилась жизнь в городах и в селах.

Игумен Иван в своем летописании выступил с гневным протестом против новой политики князей, против их раздоров и неспособности оборонять Русь от врагов. Смело обвинял он князя Святослава Изяславича в ненасытной жадности, в увеличении налогов, которые вызвали «глад крепок и скудость великую в Русской земле». Святополк пришел в ярость. Он велел схватить игумена и заточить его в городе Турове. Счастье Ивана, что за него заступился Владимир Мономах, иначе умереть бы ему в темнице.

Таким образом, первые русские летописцы — Никон, бежавший от гнева Святослава в Тмуторокань, и Иван, сосланный Святополком в Туров, были горячими патриотами. Они смело обличали несправедливость и убежденно верили, что из всех несчастий и мук Русь выйдет со славой.

Большинство исследователей считает, что свод Ивана кончается статьей 1093 года, с трагической силой рисующей нашествие половцев, разорение и несчастья русских людей (см. стр. 106). Ни один свод, вошедший в состав «Повести временных лет», не написан с такой общественной страстностью и силой, как свод Ивана. Ни один свод не полон такой острой скорби за Русскую землю и вместе с тем твердой веры в ее силы. Ивану свойственны чисто ораторские приемы: ритмичность речи, взволнованное обращение к читателям. Многие мысли и образы свода Ивана почти дословно повторяет автор «Слова о полку Игореве».

Только вслед за сводом Ивана была составлена знаменитая «Повесть временных лет». Произошло это вот при каких обстоятельствах. В начале XII века, как предполагают ученые, киевский князь Святополк поручил Печерскому монастырю составить новый летописный свод. До того времени летопись велась по собственной инициативе монастыря. Теперь же было получено задание от князя. Летопись приобрела значение государственного документа. Новый свод был составлен монахом Нестором и получил название «Повести временных лет».

Нестор был историком-ученым, пытливым и добросовестным исследователем. Он продолжил летопись до 1110 года. Кроме того, он, подобно своим предшественникам, только в еще гораздо большей степени, чем они, расширил прежние летописные записи. Он привлек колоссальный и разнообраз-

ный материал, использовал русские, славянские и византийские источники. Он подходил к ним осторожно и критически, сопоставляя различные сведения, отвергая одни, принимая другие.

Нестор много потрудился над уточнением хронологии, над определением дат, когда именно имело место то или иное событие. Хронологические отсчеты он начал с 852 года (см. стр. 33), основываясь на том, что под этим годом он нашел в византийской хронике первое упоминание о Руси. Однако Нестор отнюдь не считал этот год «началом» Русского государства. Он знал, что этому событию предшествовала длительная история, но он не мог точно ее датировать. Поэтому перед записями, расположенными по годам, он дал большое введение, где он рассказал о том, «откуда пошла Русская земля», как она возникла. Привлекая какие-то очень древние источники, Нестор вывел историю Руси из истории общеславянской, рассказал о первоначальном расселении славян, об образовании первых славянских княжеств, о нашествиях кочевых орд — обров (авар), хазар, печенегов. Таким образом Нестор проник в начало русской истории и определил место русского народа среди других народов.

Как летописец киевского князя Нестор получил доступ к государственному архиву, где он нашел ценнейшие документы — договоры русских с Византией. Эти договоры он внес в свою летопись под соответствующими годами. Памятники материальной культуры — курганы, общественные здания и т. д. — служили Нестору в качестве еще одного источника сведений о древнейшем периоде истории Руси. В тех же целях он использовал поговорки. Подобно своим предшественникам, Нестор передавал и народные предания. Ему приписываются красочные рассказы о юноше-кожемяке и об осаде Белгорода (см. стр. 75 и 79). К трем существовавшим ранее рассказам о мщениях Ольги Нестор добавляет четвертый — о птицах, поджегших Искоростень (см. стр. 49). В основе этого рассказа лежат древние представления, связанные с языческим культом.

Многие краткие записи предшествовавших летописцев Нестор расширил и дополнил. В качестве примера можно привести рассказ о смерти Олега (см. стр. 41). В Древнейшем своде было написано только, что Олег умер «за морем» от укуса змеи. Нестор приводит развернутый поэтический рассказ об обстоятельствах смерти Олега, причем относит его

к Киеву, основываясь на преданиях об Олеге, рассказывающих о том, что на горе Щековица «есть же могила его и до сего дни».

Мысли о единстве Русской земли, о необходимости сплоченного отпора кочевникам, о губительности княжеских раздоров не только не ослабевают в своде Нестора, в «Повести временных лет», но получают еще большее звучание. В нашем сознании имя Нестора стало символом древнерусского летописца-историка. Он действительно обобщил предшествовавшее ему летописание.

«Повесть временных лет» в том виде, как ее написал Нестор, не дошла до нас. В 1113 году умер Святополк, и киевский стол занял Владимир Мономах. Он передал летописание в свой княжеский Выдубицкий монастырь, построенный еще его отцом. Здесь «Повесть временных лет» — коллективный труд нескольких поколений летописцев — была переработана игуменом монастыря Сильвестром, о чем он сам и записал в своей приписке под 1116 годом (см. стр. 130). Именно эта переработка Сильвестра и сохранилась в составе Лаврентьевской летописи.

Сильвестру, по мнению многих исследователей, принадлежит включение легенды об апостоле Андрее (см. стр. 27) и трагической повести о вероломном ослеплении Василька Теребóвьского (см. стр. 119). Его дополнения коснулись главным образом последней части «Повести временных лет». Отчетливей, чем в своде Нестора, выступает величественная фигура Владимира Мономаха, защитника отчизны. Мономах борется за единодушные действия князей-братьев, организует успешные походы против половцев, судит других князей. Живо, образно воспроизводит Сильвестр речи Мономаха, ярко противопоставляет его и слабохарактерному Святополку и горячему, но не соблюдающему интересов родины Олегу Черниговскому. Характеры людей, описанные Сильвестром, так убедительны и правдоподобны, что мы верим летописцу. Все наши симпатии, как и симпатии Сильвестра, на стороне Мономаха, мы удивляемся его мудрости, его спокойствию, мы любим его за его любовь к Русской земле.

В 1118 году «Повесть временных лет» была вновь переработана для сына Владимира Мономаха — новгородского князя Мстислава. Новгородец по происхождению, автор этой

новой переработки, как предполагают современные ученые, ввел в «Повесть временных лет» легенду о призвании варяжских князей (см. стр. 33) и сделал многие изменения в Несторовой вводной части летописи. Эта последняя переработка дошла до нас в составе Ипатьевской летописи XV века.

Такова сложная история создания «Повести временных лет». Подобно эпосу, она складывалась на протяжении длительного времени людьми с разными взглядами и талантами. Она отразила борьбу разных социальных и политических групп, она впитала в себя разнородный материал, и много мелочей оказалось в противоречии друг с другом, много отдельных моментов не связаны между собой. И тем не менее «Повесть временных лет» — глубоко единое произведение. Ее единство в том, что она, подобно былинам, широко отразила взгляды самого русского народа на свою историю, она едина своей основной мыслью, основным чувством — любовью к родине. Русская земля изображается то торжествующей, то страдающей, но всегда одинаково дорогой и милой сердцу летописца.

VI

«Повесть временных лет» была широко известна в Древней Руси. Многочисленные летописи времен феодальной раздробленности начинали свое изложение полным или сокращенным текстом «Повести временных лет». Где бы ни велась летопись — в Киеве или в Новгороде, в Переяславле Южном или во Владимире Залесском — везде эти местные летописи начинаются с «Повести временных лет», рассказывающей об общих судьбах Руси в целом.

В годы раздробленности «Повесть» напоминала о былом единстве Русской земли, о братстве русских людей между собой. Особое значение приобрела «Повесть» в годы татаро-монгольского ига, когда ее горячий призыв к объединению для отпора врагу оказался особенно близким и волнующим. В XV веке, в период собирания русских земель вокруг Москвы, пример первых князей вдохновлял передовых политических деятелей. «Следуй древним прародителям твоим, великим князьям, — говорил Ивану III сторонник его объединительной политики архиепископ Ростовский Вассиан. — Рус-

скую землю обороняли они от татар (Вассиан называет половец татарами), таковы Игорь, Святослав и Владимир».

Уже в XV веке «Повесть временных лет» привлекла внимание ученых. Ею пользовались польский историк XV века Я. Длугош и австрийский посол С. Герберштейн, написавший в начале XVI века книгу о России.

Среди широких кругов русской общественности интерес к «Повести временных лет» и к летописям в целом наблюдается с самого момента их опубликования и связан с той пламенной любовью к Отечеству и возвышенной идеей гражданского долга, которые столь характерны для русской культуры XVIII века. Национальное чувство было в это время особенно остро из-за засилья немцев в русском обществе. Отстаивая русское достоинство перед иностранцами, Ломоносов ссылаясь на летопись:

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел,
И чувствам собственным поверьте,
Не вам повергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных бóев,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях и в селах...

Передовые люди XVIII века видели в летописях именно «книги славных дел». Они находили в них высокие образцы служения родине и призывали современников им следовать. Они считали, что знакомство с русской историей может способствовать исправлению нравов современного им общества и быть уроком для правителей России.

Драматурги и художники обращались к темам древнерусской истории, считая, что «слава сограждан наших — есть собственная наша слава; добродетели и великие их дела — суть потомственное наследство чести и славы».

Начало XIX века в связи с наполеоновскими войнами, особенно Отечественной войной 1812 года, было ознаменовано новым подъемом национального чувства. Опять русские люди обратились к древней летописи, как к источнику сведений о подвигах предков.

Восхищение русскими летописями характерно и для де-

кабристов. «Великие деяния, рассеянные в летописях отечественных, блещут как богатейшие восточные перлы или бразильские алмазы на дне глубоких морей или в ущелии гор. Стоит только собрать и сблизить их, чтобы составить для России ожерелье славы, которому подобное едва ли имели Греция и Рим», — писал поэт Ф. Глинка. Образы Олега, Ольги, Святослава, Рогнеды и других героев «Повести временных лет» использовал Рылеев в своих «Думах».

Рассказы «Повести временных лет» вдохновляли близкого к декабристам поэта Языкова. В стихотворении «Моя Родина» он писал:

Певца восхищают могучие деды,
Он любит славянских героев победы,
Их нравы простые, их жар боевой;
Он любит долины, где бились народы,
Пылая к отчизне любовью святой.

Пушкин, Лермонтов, Грибоедов и другие писатели того времени испытали воздействие «Повести временных лет». Идеи «Повести» созвучны «Тарасу Бульбе» Гоголя и в какой-то степени повлияли на него. Лев Толстой ценил эпичность «Несторовой летописи», видел в ней художественный рассказ об исторических событиях, возбуждающий народные чувства.

Передовые люди считали, что в летописи Нестора мы обладаем таким сокровищем, какому завидуют другие славяне и которого не имеет Западная Европа, где хроники в большинстве случаев писались на латинском языке и были далеки от народных интересов.

Исключительное значение для изучения «Повести временных лет» имели работы крупнейшего русского ученого — академика А. А. Шахматова. Он установил состав «Повести» и историю ее создания. Шахматов также обратил внимание на ее публицистичность. «Рукой летописца, — писал он, — управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника... рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».

Изучение «Повести временных лет» и летописания в целом продолжено в наше время. Советским исследователям удалось связать составление отдельных сводов, вошедших в

«Повесть», с конкретными историческими условиями того времени. Они раскрыли идейное содержание древней летописи и показали историю летописания как развитие русской исторической и политической мысли.

«Повесть временных лет» переведена на основные европейские языки. О ней существует большая литература за рубежом. Ею пользуются ученые, изучающие историю Руси, а также историю Польши, Болгарии, скандинавских стран и Византии. «Повесть» вошла в сокровищницу мировой культуры.

Т. Михельсон

Д. Лихачев